

АНДРЕЙ КОЗЫРЕВ

С министром иностранных дел России Андреем КОЗЫРЕВЫМ беседует обозреватель «Московских новостей» Владимир Орлов

Фото Игоря НЕКРАСОВА

” То, что «мы м о г ё м» вернуть бывшие российские земли, — это точно. Только это будет делаться без меня ”

элементами. Коллегам из союзного МИДа сколько раз звонил, предлагал: если вам не нравится Козырев, я за кресло не держусь, выберите, кого хотите, но давайте найдем способ сохранения Союза.

МН: Но это вчера. А сегодня?

— Наша концепция — это путь трудного, но исключительно мирного формирования дружеских отношений с соседями, втягивание их в интеграцию только путем убеждения.

Есть другая концепция — силовая. Как собираются ее воплощать? Как в Югославии?

Тогда нам не по пути. Финал югославской драмы показывает, что силой армии бывшего союзного государства ничего не решить: все равно Югославия развалилась на куски, это теперь признано. Только разница между моей концепцией и концепцией авантюристов состоит в том, что мы не пролили кровь, а они пролили.

МН: Но и мы можем, покуда вопрос о границах не снят.

— Да, достались плохие границы. Да, этих границ никто нормально не устанавливал. Да, решения принимали политбюро, Хрущев... но что из этого следует? Схватиться сегодня в жесткой схватке и рвать обратно эти куски? У кого? У Украины?! У Казахстана?! Это примерно то же самое, что раздать репрессированным при Сталине народам оружие и призвать их к уничтожению живущих теперь на их землях людей.

Если вцепиться сейчас в горло друг другу, то придется горло перегрызть. Я предпочитаю узлы развязывать. Тем более что этнически, исторически обоснованных границ нет нигде в мире. Только от дикости и примитивизма можно этого не замечать. А почему бы сейчас Германии не выдвинуть претензии на Кенигсберг? И ведь хватает ума у них признавать, что это часть России, подписать соответствующий документ с Ельциным. А Восточная Пруссия для Германии значила куда больше, чем Крым для России.

То, что «мы м о г ё м» вернуть бывшие российские земли, — это точно. Только это будет делаться без меня.

МН: Вы сегодня опровергли уже несколько расхожих утверждений. Вот еще одно: что вы западник чистой воды.

— И его опровергну! Можно ехать по встреч-

Поднимаюсь на седьмой этаж сталинской высотки на Смоленской

Я поднимаю на седьмой этаж сталинской высотки на Смоленской площади, символизирующей стабильность и неизблемость, будто это по-прежнему святая святых «вечнопобеждающей» советской дипломатии. Но первое впечатление обманчиво: особенно трудно назвать неизблемым положение моего собеседника. Сколько раз накануне приходилось слышать: «Зачем встречаться с Козыревым? Вот увидите, его уйдут. Это вопрос дней, вот только вернется из заграничного турне...»

МН: *И вот вы вернулись из очередного турне, и кого, как не вас, спросить об этих слухах. Или, может, не слухах вовсе, и у вас действительно уже есть преемник, тогда кто он — советник Ельцина Юлий Воронцов, кто-то еще?..*

— Все это не больше, чем слухи, конечно. Я не исключаю, что их специально собирает мидовская оппозиция. Это составная часть аппаратного реванша: посеять неуверенность, поставить подножку Ельцину и его команде. Мои противники уже расправляют крылья, а другие ждут, чем это закончится. Так что это вещь серьезная.

МН: *А насколько беспочвенная?*

— Один из излюбленных приемов старых партаппаратчиков — создание параллельных структур: госсоветников и т.д. Попытка сместить второй центр в любом случае вносит неразбериху и до добра не доводит. Но Воронцов — это их просчет. Он не тот человек, кто бы взял на себя роль, отведенную моими противниками для него. В министерстве нашлись люди, которые свою особую точку зрения попытались доложить не мне, а Воронцову, чтобы таким образом создать оппозиционную политическую линию. Но они попали впросак: мы с Воронцовым достаточно культурные люди, чтобы допустить противостояние.

МН: *Вы говорите о «противниках» и «оппозиции». Как вам в этой атмосфере работается? Мне иногда кажется, что на вас очень давят эти старые стены.*

— Ваше ощущение верно. Сложные отношения у меня с этими стенами... Я здесь начинал, дорос до начальника одного из самых престижных управлений — международных организаций, престижные адреса ждали за рубежом: Нью-Йорк, Париж, Вена... Прекрасный кабинет тоже. Да и мое направление, «оноовское», было чуть ли не самым успешным; если где и были успехи советской дипломатии, так это здесь.

И вот 1990 год, я ухожу со Смоленской площади на проспект Мира, в особняк, где у меня оказалась одна вертушка на весь российский

МИД. И совершенно неясная перспектива. Так что причина ухода была одна: мои политические взгляды совершенно разошлись со взглядами руководства.

МН: *А Шеварднадзе?*

— Он же не поменял никого в руководстве! Вся верхушка осталась прежней. И того же возраста. Советская внешняя политика времен перестройки почему-то считается одним из главных успехов того времени, но мне она видится несколько иначе. «Новое мышление» во многом половинчатая, философичная концепция, а по сути — смена вывесок.

Смотрите, отношения с Кубой, Ираком, Ливией, КНДР претерпели чисто косметические изменения: убрала «захлеб» из поздравительных телеграмм — вот и все! На практике на полную мощь работала прежняя машина, сопротивлявшаяся любым самым робким шагам Шеварднадзе, я это слишком хорошо видел изнутри.

В российском же МИДе я смог спокойно довести свою концепцию отказа от идей «социалистического лагеря» до конца, провел департизацию, закрыв административным путем партком.

МН: *Вас многие коллеги поддержали?*

— Несколько человек. Тем более что в вопросе департизации Шеварднадзе занял неясную позицию, а большинство дипломатов было против. Помню, когда союзный МИД рассылал телеграммы по посольствам с оправданием вмешательства в литовские события, я собирал западных послов и категорически возражал против советской политики. Так и работали, тридцать дипломатов всего... так что это была политика моя и политика Ельцина.

Мои коллеги из союзного МИДа — когда-то надо наконец сказать откровенно — аж до самого конца августа 1991 года прервали все отношения со мной, хотя меня же каждая собака тут знала и со многими были дружеские отношения. Наполовину это была боязнь начальства, но наполовину это все-таки было неприятие.

И вот представьте, каково этим людям было снова увидеть меня на Смоленской в качестве министра. Неизбежен был шеварднадзевский конфликт в квадрате.

МН: *Тем более что, придя, вы сказали, я цитирую: «Верхушка прогнила, и ее надо менять».*

— Правильно. Так и было. Я сменил заместителей, омолодил руководство: средний возраст стал сорок лет. Все-таки не моложе: тут

надо иметь опыт и владеть прецедентом; ведь это в России все радикально меняется, а вот Франция не меняется. Сегодня в отличие от нас заявляет рочу то же, что и десять лет назад. Кто-то же должен помнить и знать, что она говорила десять лет назад.

Конечно, нельзя допустить нового 1917 года и разгона аппарата: хотя бы что-нибудь надо же сохранить, профессионалов сберечь. Но часть оппозиции в министерстве ведет себя непорядочно: куда более порядочно было бы им хлопнуть дверью и отказаться работать со мной по политическим соображениям.

МН: *В конфронтации кто-то побеждает?*

— Если взять счет к маю, то, наверное, ничья, так мне хочется верить.

МН: *Но ведь, согласитесь, у ваших оппонентов есть по крайней мере одна обоснованная зацепка: отношения с ближним зарубежьем, то есть с СНГ, оказались непроработанными, хотя еще в 1990—1991 годах вы столько раз говорили о необходимости новых отношений с соседями (тогда еще по Союзу), точнее многих предвстает неминуемый развал?*

— Можно сколько угодно говорить об отсутствии концепции... но концепция у нас была и есть! Еще год назад и Ельцин, и я говорили, что лучше превратить Союз в Содружество, чем жить в коммунальной квартире, где все волками глядят друг на друга.

Иногда я оглядываюсь назад и спрашиваю себя: а не виноват ли ты в развале Союза? Наверное, было много ошибок, я не ангел, но — особенно после августа — я добивался сохранения единого государства: тогда была идеальная возможность создать работающую конфедерацию со значительными федеративными

ДОСЬЕ «МН»

Андрей Владимирович Козырев родился в 1951 году в Брюсселе. До поступления в МГИМО работал на машиностроительном заводе «Коммунар». После окончания института в 1974 году становится «карьерным» дипломатом, пройдя путь от референта до начальника управления МИД СССР. В составе советских делегаций неоднократно принимал участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН, но на постоянной работе за рубежом не был. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию по проблемам разрядки. Автор многочисленных статей и монографий (последняя — «Мир и мы в зеркале ООН»). С 1978 года прослыл в МИДе либералом.

С 1990 года — министр иностранных дел России. На второй день августовского путча по решению правительства отправился в Париж. Принимал активное участие в разработке и подписании Беловежских соглашений.

Увлекается философией и живописью. Любимые писатели — Набоков и Гумилев. Женат. Дочь учится в школе.

— И его опровергну! Можно ехать по встречной полосе шоссе на танке и не беспокоиться о правилах движения. Но наш выбор другой: двигаться, подчиняясь общим правилам. Они, действительно, изобретены Западом, и тут я полный западник. Да, нам нужно строить свой велосипед в расчете на свои дороги, только пусть и он останавливается на красный сигнал светофора.

Запад богатый, с ним надо дружить. Но при этом мы будем иметь контакты и с остальным миром, без всяких противопоставлений. Так что фразы, будто я ориентируюсь на Америку и ничего больше не вижу, ерунда.

МН: *Тем более что политологи все чаще поговаривают о скором «закате» США, о еще большем возвышении Германии...*

— Гегемония Соединенных Штатов, которой нас пугают, и разговоры о «единственной сверхдержаве» — это все стереотипы и зашоренность. Никакой единственной сверхдержавы нет. Идет известное перераспределение сил. В ближайшее время во всех мировых центрах продолжатся «переливы влияния», которые будут прорываться наружу в виде торговых войн.

И когда Россия станет настоящим союзником западных демократий, она тоже будет участвовать в торговых войнах. Это неизбежно. Если мы не будем ставить для себя заниженных планок и не вобьем в себя психологию отсталого общества, то через 10 — 15 лет Россия будет в числе ведущих стран, у меня нет ни малейшего сомнения.

Помешать могут только все эти «патриоты-почвенники» и паникеры, дай им волю — доведут Россию до уровня очень больших... и очень слаборазвитых стран. Мой выбор: ориентация на высокоразвитые демократические страны и вхождение в их клуб — именно и только в этот клуб — на равных, достойно, со своим собственным лицом. В этом вся концепция.

(МН 87)